

На следующее утро, едва разомкнув опухшие со сна веки, Хань Хэн чуть не вскрикнул от неожиданности. Прямо перед ним, непозволительно близко, маячило красивое мужское лицо.

Сквозь полумрак раннего утра проступали черты Чжуан Лина, лежавшего напротив. Он крепко обнимал Хань Хэна за талию. Стоило тому шевельнуться, как Чжуан Лин тут же проснулся, однако притворился, будто всё ещё дремлет, и лениво приоткрыл глаза.

Этот влажный, подёрнутый сонной дымкой взгляд внезапно заставил сердце Хань Хэна пропустить удар. Внезапно для себя он поймал себя на мысли, что напускная невинность и незащищённость Чжуан Лина задевают в его душе какие-то потаённые струны.

Смутившись, Хань Хэн осторожно убрал с себя руку юноши, сел на постели и неловко кашлянул, упорно отводя взгляд куда-то в пол.

— Как ты вообще оказался в моей постели? — спросил он. — Твой слуга вчера говорил, что тебя оставили на обед во двореце.

На миг лицо Чжуан Лина потемнело, но Хань Хэн как раз наклонился, чтобы обуться, и не заметил этой мимолётной тени.

Когда Хань Хэн выпрямился, Чжуан Лин уже принял обычный вид. Он сидел на постели, взъерошив пятернёй волосы, и, отвернувшись в сторону, глухо проворчал:

— Перепил во дворце. Возвращаться домой неохота — опять отец отчитывать начнёт. Вот и пришёл к тебе.

— Ну, поднимайся, — Хань Хэн огляделся по сторонам, но одежды гостя нигде не приметил. — А вещи твои где?

— Не помню. Кажется, заляпал, когда тошнило, — Чжуан Лин поморщился. — Голова раскалывается.

От этих капризных, почти детских ноток в голосе Хань Хэн на мгновение опешил.

«Надо же, этот маленький извращенец умеет ластиться, словно дикий кот, прячущий когти и выставяющий мягкие подушечки лап», — подумал он и мысленно добавил: «Точно я ещё не проснулся».

Хань Хэн хлопнул себя ладонью по лобу, отгоняя наваждение, и поспешил к выходу:

— Пойду пришлю кого-нибудь. А ты пока полежи.

Чжуан Лин прищурился, когда он проводил взглядом поспешно ретировавшегося за ширму хозяина дома.

Разговор с императором, состоявшийся вчера с глазу на глаз, до сих пор эхом отзывался в ушах — холодный, властный голос. Чжуан Лин крепко сжал пальцами одеяло и глубоко вздохнул, пытаясь унять глухое раздражение в груди.

А перед глазами внезапно всплыло воспоминание из прошлого: комната брата и сплетённые тела Чжуан Яня и изнеженного, белокожего юноши. Этот образ вновь ударил по натянутым струнам его нервов.

На лице Чжуан Лина отразилось редкое для него смятение, смешанное с досадой. Он шумно перевёл дыхание, поймав себя на дикой, нелепой мысли: «Может, сходить в весёлый дом для мужчин да потренироваться на ком-нибудь?»

Впрочем, любопытство разгоралось всё сильнее. Никто в мире не желал так страстно, как он, узнать: отличается ли тело мужчины, способного выносить ребёнка, от обычного?

Его покровитель настойчиво требовал разыскать государственного наставника Великой Лян, Хань Хэна. Спасая Хань Хэна, Чжуан Лин поначалу подумывал доложить императору, будто тот разбился, упав со скалы. Однако без тела подозрительный правитель ни за что бы не поверил и непременно отправил бы других ищеек. Да и сейчас нельзя было утверждать наверняка, что никто больше не идёт по следу. В конце концов, помимо отца Чжуан Лина, государь во всём полагался на своего единоутробного брата, Нин-вана.

Вчера Чжуан Лину позволили покинуть дворец лишь после того, как в руки императора доставили срочное донесение с пометкой «восемьсот ли в день». Вскоре и сам Чжуан Лин получил весть по своим каналам: добрая половина земель Южной Чу уже перешла под власть императора Великой Лян, Цзюнь Минъяня.

В это смутное время мужчина, которому предначертано породить владыку Поднебесной, волею судеб оказался в его руках. Чжуан Лин просто не мог не усмотреть в этом знак свыше: сама судьба указывала на то, что именно он — избранник небесного мандата.

Даже если пророчество окажется пустым звуком, одной лишь призрачной надежды достаточно, чтобы сильные мира сего начали охоту за Хань Хэном. К счастью, тот ничего не помнил.

Благодаря Чжуан Лину беглец обрёл новое имя и лицо. Когда шрамы окончательно затянутся, даже император Цзюнь Минъянь не признает в нём прежнего государственного наставника. Единственной досадной помехой оставался старший брат. Когда-то они вместе совершили посольство в Великую Лян, и уже тогда Чжуан Янь осыпал Хань Хэна щедрыми похвалами.

Впрочем, Чжуан Лин прекрасно понимал истинную природу того восхищения — ведь его единокровный братец всегда предпочитал мужчин.

Пока в голове Чжуан Лина крутились смутные, полузапретные образы их близости с Хань Хэном, дверь тихо скрипнула.

Чжуан Лин мгновенно напустил на себя сонный вид и опустил голову, пряча вспыхнувшее лицо, когда Хань Хэн вошёл в сопровождении слуги.

— Оставь одежду и уйди, — холодно бросил Чжуан Лин слуге.

Хань Хэн замер, невольно залюбовавшись его крепким, ладно сложенным телом с подтянутыми мышцами, отливавшими приятным бронзовым загаром.

— Подойди, помоги мне одеться.

Этот повелительный тон заставил Хань Хэна действовать на автомате: он уже взял халат и потянулся к рукаву гостя, как вдруг осёкся. Внутри всё так и вскипело от негодования. «С какого это перепугу? Я вообще-то здесь молодой господин, а не его личный слуга! Чего я так послушно перед ним прыгаю?!»

Чжуан Лин слегка наклонил голову. Расправляя складки ткани за его спиной, Хань Хэн невольно засмотрелся на открывшуюся взору кожу. Тело юноши, привычное к постоянным тренировкам под палящим солнцем, было куда темнее его собственного, и лишь вблизи на нём проступали многочисленные шрамы, незаметные издалика.

Следы от клинков и стрел говорили сами за себя — отметины жестоких сражений. Однако больше всего Хань Хэна поразила едва различимый рисунок татуировки на пояснице Чжуан Лина. Рассмотреть её как следует он не успел: тот нетерпеливо зашевелился, веля поторопиться.

Чжуан Лин явно куда-то спешил. Они едва успели приступить к завтраку, как у ворот появился гонец в солдатском мундире. Коротко переговорив с ним, юноша засобирався в дорогу, пообещав вернуться к вечеру, и оставил одного из своих преданных людей присматривать за Хань Хэном — якобы ради его же безопасности.

Хань Хэн, разумеется, прекрасно понимал: этот «телохранитель» приставлен не столько оберегать его, сколько докладывать хозяину о каждом его шаге.

Ближе к полудню слуга из Башни Слушания Лебедей доставил Хань Хэну приглашение.

Плотная тёмно-синяя бумага с тиснением источала тот самый едва уловимый, изысканный аромат, который царил в покоях хозяина башни. Хань Хэн не ожидал такой скорой весточки —

он полагал, что придётся томиться в ожидании по меньшей мере пару недель, поэтому известие его несказанно обрадовало. Изящные, летящие строчки, выведенные малым уставом в стиле «шпилька для цветов», казались слишком утончёнными для мужской руки. Внизу стояла подпись: «Му Жань».

Едва сдерживая нетерпение, Хань Хэн дождался часа послеполуденного отдыха и тайком выскользнул через незаметную дверь в своей комнате. Убедившись, что за ним нет хвоста, он поспешил к Башне Слушания Лебедей. На сей раз, кроме увесистого кошель с монетами, он не взял с собой никого.

Дин Му встретил его без лишних расспросов, однако внутрь пустил по-прежнему только его одного.

— Благодарю, — вежливо произнёс Хань Хэн.

— Не стоит, — буркнул проводник.

Они молча шли по извилистым коридорам усадьбы. Дин Му упрямо смотрел прямо перед собой, слегка сжав кулаки. Наконец он заговорил — так тихо, что в тишине длинных галерей его голос едва можно было разобрать:

— У него почти нет людей, с которыми он мог бы вот так поговорить. Если будет время, приходи почаще.

Парень выпалил это на одном дыхании, даже не замедлив шага, словно устыдившись собственной откровенности.

Его привели к зрительским местам у раскинувшейся прямо на воде сцены. Хань Хэн оказался единственным гостем; перед ним уже стоял столик со свежесваренным чаем и лёгкими закусками.

— Прошу простить, мне нужно идти, — Дин Му поклонился и поспешил удалиться.

День выдался хмурым: небо затянуло тяжёлыми облаками, но дождь так и не собирался начинаться.

Не зная, какую игру затеял загадочный Му Жань, Хань Хэн решил не ломать голову. Проголодавшись в пути, он с удовольствием потянулся к угощению. Чай оказался превосходным — пожалуй, даже ароматнее того, что подавали в Саду Сюэ.

Едва он поставил пиалу на столик, как воздух пронзили первые аккорды нежной, призрачной мелодии. Казалось, звуки рождались не на воде, а лились отовсюду сразу.

Хань Хэн удивлённо вскинул голову и огляделся. С трёх сторон над внутренним двориком возвышались галереи, окна которых были завешены плотными бамбуковыми ширмами — за ними угадывались смутные силуэты музыкантов. Замкнутое пространство между стенами и водной гладью удерживало звук, заставляя его концентрироваться и вибрировать в воздухе.

Пока он пытался разглядеть исполнителей, в самом центре водной сцены медленно поднялась фигура в алых одеждах. Тонкий, невероятно гибкий силуэт замер в изящной позе: одна нога согнута в колене, руки широко раскинуты, подобно крыльям парящей птицы.

С ускорением темпа платформа поползла вверх. Танцовщица двигалась с поразительной грацией, её стопы словно приросли к помосту, в то время как тело изгибалось с лёгкостью скользящего дракона.

Музыка переливалась от мрачных, вкрадчивых тонов к торжественным и ясным, пока в кульминационный момент не грянул оглушительный ритм, подобный раскату грома.

«Потрясающе!» — мысленно восхитился Хань Хэн, невольно пристукивая ладонью в такт. Конечно, современному человеку, избалованному голограммами и лазерными шоу, здешние декорации казались простоватыми, и игра отражений на воде не могла его поразить. Однако мастерство самой исполнительницы заслуживало высочайшей похвалы: без всяких стереосистем и акустических ухищрений её танец проникал в самую глубину души.

Когда затихли последние аккорды, платформа с танцовщицей опустилась обратно, погрузив двор в тишину. Хань Хэну потребовалось время, чтобы прийти в себя. Он поднял глаза на галереи — те уже опустели.

В этот момент из тени переходов показалась фигура в ярко-красных одеждах. Сперва Хань Хэн принял вошедшего за давешнюю танцовщицу, но, когда тот подошёл ближе, узнал Му Жаня.

— Ну как тебе? — поинтересовался хозяин башни, небрежно откидывая подол расшитого золотыми пионами халата, и присел рядом.

— Неплохо, — ответил Хань Хэн.

Му Жань, собиравшийся взять с тарелки сладость, на миг замер, и его пальцы сильнее сжали хрупкое тесто. Он недовольно прищурился:

— И это всё? Всего лишь «неплохо»?

Он уже велел Дин Му разузнать всё о госте — обычный отпрыск зажиточного семейства, а держится так, будто подобные зрелища для него обыденность. Даже искушённый Нин-ван приходил в восторг от этого представления, а этот парень и бровью не повёл. Обладая способностью читать чужие мысли, Му Жань отчётливо видел: Хань Хэн действительно не

лукавил, его оценка была искренней.

— Может быть гораздо лучше, — мягко улыбнулся Хань Хэн.

— Вот как? — усмехнулся Му Жань. — И что же ты предложишь изменить?

По дороге сюда Хань Хэн изо всех сил старался держать под контролем собственные мысли. Судя по скептическому выражению лица собеседника, его труды не прошли даром: пока он сознательно избегал образов прожекторов и высокотехнологичных сцен, Му Жань оставался в неведении.

— Вчера я толком не объяснил цель своего визита, поэтому и вы не спешили раскрывать карты, — заговорил Хань Хэн. — Но раз уж сегодня вы решили проявить ко мне доверие, то и мне ходить вокруг да около больше не пристало.

— Думаешь, раз ты промолчал, я ни о чём не догадался? — высокомерно бросил Му Жань. Он привык, что помыслы любого человека перед ним как на ладони.

— Разумеется, от вас ничего не скроешь. Иначе я бы не сидел здесь и не наслаждался этим представлением.

Му Жань лукаво улыбнулся. В его взгляде сквозь внешнюю приветливость скользнуло такое неподдельное, хищное очарование, что у Хань Хэна на мгновение перехватило дыхание. Он мысленно порадовался, что они беседуют сидя, иначе колени его точно бы предали.

— Мой ответ тебе не понравится: выкупить Башню Слушания Лебедей у тебя не выйдет, — плавно произнёс хозяин заведения. — Однако, если ты действительно знаешь, как сделать нашу обитель самым популярным местом в столице, я готов обсудить твою долю в этом деле.

Хань Хэн прищурился и усмехнулся:

— Я купец, а купцы даром не работают. Ваше предложение звучит так, будто вы недооцениваете мои способности.

— О твоём семействе Сюэ мне известно всё до мельчайших подробностей, — нетерпеливо отмахнулся Му Жань. — И то, что я вообще веду с тобой этот разговор, — лишь дань твоему дерзкому нраву.

— Неужели вы полагаете, что за душой у меня только скромные сбережения господина Сюэ?

Му Жань презрительно скрестил руки на груди.

Хань Хэн приставил два пальца к виску и уверенно произнёс:

— Самое ценное моё сокровище скрыто здесь.

Му Жань на мгновение лишился дара речи, но тут же залился звонким, завораживающим смехом:

— Смотри, как бы я не лишил тебя этого сокровища, если ты прогоришь.

— Дайте мне месяц, — Хань Хэн решительно выставил вперёд открытую ладонь. — За это время Башня Слушания Лебедей затмит все заведения столицы. Слава и доходы взлетят до небес. Но взамен я потребую вот столько.

Му Жань перестал смеяться. Он медленно наклонился к Хань Хэну, обдав его дыханием с ароматом благовоний. Он опасно, почти хищно усмехнулся:

— По рукам. Буду ждать обещанного чуда. Но помни: если у тебя ничего не выйдет, голова твоя мне без надобности. Ты просто станешь моим верным псом и будешь пресмыкаться у моих ног.

Хань Хэн прищурился, глядя ледяным взглядом. В этом хрупком теле внезапно пробудился прежний Пэй Цзя — гордый, амбициозный и упрямый. Именно так на него когда-то смотрели сильные мира сего — с той же надменной ухмылкой и молчаливым презрением, к которым он давно привык.

<http://bllate.org/book/20487/2182119>